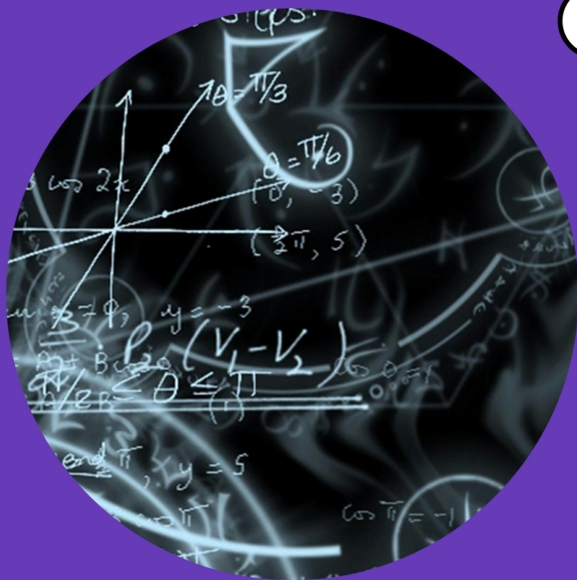

ЕВГЕНИЙ ЛЕТО

16+

Идущий по следам огня

Евгений Михайлович Лето

ИДУЩИЙ по следам огня

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63015277

SelfPub; 2021

Аннотация

Молодой парень после пожара, где он чудом остался в живых, переживает странную аномалию. В определённые периоды у него поднимается температура тела ровно на один градус, причём очень быстро адаптировавшись, он перестаёт её ощущать ровно до следующего температурного скачка.

Евгений Лето

Идущий по следам огня

Это случилось после пожара. Вернее, начало проявляться вскоре после него. После всех драматических событий, связанных с тем огненным адом, когда меня бесчувственно привезли в реанимацию, где я провалялся почти, что целую неделю, не приходя в сознание. Как мне потом рассказали осторожно врачи из выживших остался лишь я один. И это была не единственная причина для удивления. Дело в том, что на мне не обнаружилось ни одного следа, ни единой отметины от ожога, ничего, что свидетельствовало бы о том, что я провел в огненной ловушке более получаса. Нет конечно на моем теле присутствовали: ссадины, ушибы и синяки, но все эти отметины никак не были связаны с пожаром. Что вызывало само по себе пристальное внимание, как со стороны медперсонала, так и правоохранительных органов, что явились сразу на следующий же день, стоило мне как, немного оклематься.

Что, спрашивается, я мог внятного ответить на их многочисленные расспросы, когда сам толком ничего не помнил и не понимал, кроме того, что у нас на работе внезапно вспыхнуло пламя, моментально взяв в заложники, Дом Молодёжи

– места, куда я сразу же устроился после окончания университета. Кабинет, в котором мне довелось трудиться на благо свое и молодёжи, находился на третьем этаже старого, выстроенного ещё в царские времена здания, что в прошлую эпоху служило гостиницей. Всего нас в комнате находилось четыре сотрудника, включая меня. Мы, как обычно убивали время: шутили, смеялись, подтрунивая друг над другом – одним словом создавали вид активной деятельности. Когда неожиданно запахла в воздухе паленным, резко потянуло едким дымом. Пожарная сигнализация почему-то не сработала и не все сразу поняли, что происходит. Те, кто находился на нижних этажах сумели быстрее сориентироваться. Третий же этаж оказался отрезанный огнём вспыхнувшим, как потом выяснилось в подвале и быстро перекинувшегося на первый этаж. Дело происходило летом, когда многие окна и двери нараспашку, что сыграло роль дополнительного катализатора распространения огня. Ветхое здание занялась моментально. Кто посмекалистее или попроворнее успели вовремя выбежать наружу прочь. Другие менее расторопные прыгали с окон вниз на асфальт, рискуя поломать себе конечности или ещё, что похуже, если приземление пройдёт неудачно.

Мы находились в правом крайнем крыле здания и не сумели своевременно отреагировать, оказавшись запертыми в огненной ловушке. Решение прыгать с третьего этажа на асфальт было заменено на более щадящий вариант – подняться

на крышу и спуститься по пожарной лестнице без риска потом на всю жизнь остаться калекой. Таких, как мы умников, как оказалось, стоило нам выбраться из узкого чердачного проема наверх, оказалось предостаточно – почти весь третий этаж, по крайней мере всех тех, кто на тот момент имел несчастье находиться там. Мы старались думать креативно, мня себя умниками, но это сразу же прошло, как только обнаружилось, что пожарной спасительной лестницы нет. Ее просто кто-то взял и отрезал напрочь, скорее всего во время реконструкции здания. Оно и понятно от времени металл пожарной лестницы мог попросту прогнить. Вот только не понятно одно было, почему новую взамен старой не озаботились приделать обратно на место? Естественно никто не стал выяснять в такой ситуации причины этой недоделки со стороны строителей и пожарной инспекции – началась паника. Я смутно помню все эти крики, вопли, бесполезные призывы о помощи – все происходило столь стремительно, столь молниеносно, что казалось здание, выстроено не из добротного глиняного кирпича, а вылеплено из обычного картона или папе-маше. И надеяться на скорый приезд пожарного расчёта особо не приходилось.

«Давайте обратно на третий этаж спустимся, оттуда пониже все-таки придётся прыгать». Выступил тогда кто-то с идиотским предложением. Хотя на тот момент в воспаленных головах, эта мысль показалась не лишённой здравого смысла. То, что пламя почти полностью охватило все здание, хо-

зыйничая на двух этажах и впритык приблизившись к третьему, никто не высказал предостережение. «Успеем, прорвемся» – думал тогда каждый, не принимая в расчет угарный газ. Хотя и нашлись некоторые люди, которые в последний момент переменили свое решение и остались на крышке – меня в их числе не оказалось

Поддавшись паники вместе с остальными такими же самыми, я рванул, что есть силы на третий этаж, где и свалился без чувств в коридоре, не успев даже добежать до двери ближайшего кабинета нахватавшись густого дыма. Остальных ждала такая самая незавидная участь, никто тогда не сумел добраться до спасительного окна, оставшись «навек молодыми». Всего погибших на пожаре по заявлениям официальных властей насчитывалось восемь человек. Я же, не иначе, как самим проведением сумел избежать записи в некролог, так я думал тогда...

Пожарная команда, прибывшая на место возгорания, сумела-таки локализовать его, спасти, начавших уж было задыхаться на крыше оставшихся людей и приступить к обследованию практически до остова выгоревшего здания. До места, где меня обнаружили огонь, не успел добраться, хотя и приблизился впритык. Как я сумел выжить и не задохнуться оставалось загадкой для всех. По крайней мере, ни спасатели, ни медики не могли припомнить ничего подобного из их многолетней практики. Поэтому все дружно пожали плечами, списав все на счастливый случай.

Шесть дней в коме провалялся я, выйдя из нее внезапно открыв глаза и увидев выкрашенные белой режущие глаза краской стены. Первой моей мыслью была «где я нахожусь?». Затем память услужливо напомнила все обстоятельства и перипетии судьбоносного, как теперь я начинаю понимать дня для меня.

Потом была реабилитация. Несмотря на совсем небольшие увечья, полученные в ходе пожара, обращались со мной, как с тяжело раненным. Бесконечная череда капельниц и уколов обернулись для меня настоящей ястрофобией. Как ничто другое я хотел покинуть больничные пенаты и не видеть людей в белых халатах, постоянно, тычущие иглы в различные места моего тела. Пичкавшими по несколько раз в день горькими пилюлями и заставляющие проходить различные не всегда приятные процедуры. Один раз меня навещил психолог, утверждавший настоятельно, что я нуждаюсь в психологической помощи. На все его предложения «поговорить по душам», я решительно отказывался, заверяя о своей полной психологической устойчивости. Хотя не могу не отметить, что нуждался в ней и более того возможно нуждаюсь до сих пор, даже сильнее нежели, чем тогда.

Как бы там ни было больничное заведение, я покидали явно облегченно, как будто стены какого-нибудь исправительного заведения, что, по сути, таким и являлась, по крайней мере, для меня. На свободе, как я мысленно окрестил ее после своего принудительного заключения, пардон лече-

ния, меня поджидала пустынная однокомнатная квартира, что я снимал по сходной цене у своего приятеля которому она досталась по наследству от какой-то дальней родственницы. Естественно мне предоставили длительный оплачиваемый больничный, чтобы я как следует, поправил здоровье, восстановив силы перед выходом на работу. О какой-либо выплаты компенсации и речи ни шло, да и не рассчитывал я на нее вовсе, считая, что и так получил более ценную – жизнь. Меня больше занимало на тот момент другое, а именно сны.

Сновидения совершенно не похожие на прежние, что я видел в течении двадцати двух лет. Нет, конечно мне снилось разное, в том числе и ужастики, в особенности под впечатлением от просмотренных накануне фильмов ужасов. Но никогда прежде мне не являлись одни и те же, точнее будет сказать с одной и той же тематикой. Наверное, не сложно будет догадаться, что мне снилось после пожара, это очевидно – огонь, пламя и всё что связано с ним...

И так каждую ночь, начиная с того времени, как только я пришёл в себя на продавленной койке в больничной палате. Поначалу я решил, что так и должно быть на первых порах: все-таки как ни крути мне пришлось пережить сильнейший стресс не говоря уже, что вытащили меня буквально за шкуру из царства мёртвых. За пониманием пришла и уверенность, что это временные неудобства и с течением времени они пройдут сами собой или настолько сгладятся,

что на них перестанешь попросту обращать внимания. Как же я заблуждался тогда. Каким я был наивным полагая, что время все лечит...

Первым симптомом или признаком, того, что со мной творится, что-то неладное послужил один неординарный случай, произошедший со мной, когда я спал. Это случилось в конце августа, в самом разгаре дня, когда я решил немного вздремнуть, разморённый полуденным зноем и съеденной за обедом пиццей. Я не помню уже, что мне снилось тогда, но само пробуждение живо в моей памяти до сих пор, словно он мне ещё вчера приснился.

Жар, сильный жар, вот, что я первым делом ощутил, когда распахнул веки. Затем мне в нос ударил едкий запах гари, я как будто вновь очутился в объётом пламенем здании. Резко подскочив на ноги, я обмер, в ужасе буквально остолбенев от картины, представшей перед моим взором. Горела скатерть на круглом старом столе наследии умершей родственницы моего приятеля. Сотканная из лёгкого ситца, белая, кружевная таких сейчас не купить в магазинах. Огонь, по всей видимости, принялся с левого края её и неспешно распространился к центру, который прочно занимало массивное хрустальное блюдо наполненные до верха яблоками и грушами. Сквозь образовавшиеся проплешины материи я видел, как занялась тлением дубовая столешница стола. Стремительно бросившись в ванную, я поспешил набрать ведро воды, открыв барашки крана до отказа. Каким же слабым показался

мне в тот миг напор, и каким бездонным ведро, хотя не успело и пройти минуты, когда я уже заливал огонь водопроводной водой. И так повторялось несколько раз, пока я окончательно не убедился, что огонь полностью побеждён и нет ни малейшего шанса вспыхнуть ему вновь. После чего я сумел немного расслабиться и устало перевести дух.

«Как такое могло случиться?» – была моя первая мысль, когда я обессиленный рухнул на кровать. Казалось, с меня выжали все соки, такая усталость на меня вдруг навалилась. Голова шла кругом я пребывал в крайней растерянности не зная, что и думать. Дело в том, что я не курил и списывать к примеру, все на не затушенный окурок никак не мог. Как не мог на все остальное кивать: ни забытых, включённых электроприборов, оставленных небрежно на столе, ни даже близости к источникам электроэнергии, совершенно ничего что могло послужить причиной, для возгорания. Вариант, что могли какие-то весельчаки (так как врагами я ещё не успел обзавестись) забросить, что-то через открытое окно, тоже исключался, противомоскитная сетка была не повреждена.

Пересилив собственную слабость, я поднялся на непослушные ноги и потащился снова в ванную. Побросав там провонявшиеся гарью вещи прямо на пол, я попытался принять освежающий душ. Каково же было моё удивление, когда я совершенно не почувствовал прохлады. «Наверное, я ошибся в выборе вентиля, добавив больше, чем хотел горячей воды» – попервах решил я. Но нет, брошенный вниз

взгляд отметил, что с настройками всё в порядке, это просто мой организм реагировал по-другому. «Возможно, у меня температура тела подскочила просто?» – предположил я тогда логично.

Полностью закрыв горячий кран, я быстренько помылся одной холодной и, обернув таз полотенцем, вышел на кухню, где на полочки с посудой у меня хранились лекарства. Выудив из пластиковой аптечке градусник, я засунул его к себе подмышку и прошёл в комнату. Там по-прежнему ощутимо пахло подпалённой материей, настежь раскрытое окно слабо помогало. Сев на единственное кресло, я терпеливо принялся отсчитывать пять минут настраиваясь на генеральную уборку своего жилища.

37.7 показал ртутный градусник. «Что ж, я не ошибся с температурой» – констатировал я мысленно и поплёлся обратно на кухню, теперь уже за аспирином. «Угораздило же меня летом простудиться» – сетовал я, высыпая из тюбика, целую горсть таблеток себе на ладонь и наливая в стакан минералку. «Ну, ничего, убойная доза, должна помочь справиться с этим недугом». Бросая их все скопом в рот, продолжал рассуждать я, ещё даже не подозревая, как заблуждаюсь, на сей счёт.

Лето быстро пролетело, вместе с ним подошёл к концу мой затянувшийся больничный. Как я его провёл? В основном лёжа на кушетке с планшетом в руках. Не то, чтобы сказать, что это было моим любимым увлечением. Далеко не

так. Просто отсутствовало какое-либо желание заниматься чем-то другим. Апатия поселилась в душе моей. Иногда конечно ко мне заходили приятели, но устраивать вечеринки или идти вместе с ними тусоваться мне опять-таки совсем не хотелось. Я вообще перестал выходить на улицу ограничиваясь одними короткими вылазками в супермаркет за продуктами и обратно. Наверное, не будет лишним упомянуть, что сны по-прежнему не переставая тревожили меня, правда больше эксцессов с возгоранием не повторялось.

Первый рабочий день начался в новом месте – красивом десятиэтажном здании, где временно разместился Дом Молодёжи. В нашем маленьком коллективе за период моего отсутствия успели произойти заметные перемены. Сергей Лещёв перевёлся в другой отдел, а Митя Лазарев вообще уволился. Их место заняли вновь принятые Зоя Минина и Андрей Панфилов. Работы, как обычно не было никакой, вернее она была привычной. Новые сотрудники быстро вникли в суть дела и активно имитировали рабочий процесс. Мы быстро пришли к взаимопониманию и даже ближе к концу рабочего дня настолько сблизились, что решили совместно посетить одну кафэшку. Дабы отметить наше знакомство, естественно без фанатизма, все помнили – завтра опять на работу.

Традиционно посиделки затянулись дольше, чем планировалось изначально и по домам пришлось возвращаться уже поздним вечером. Все, кроме меня высказались за то

чтобы ехать на такси, я же со своей стороны решительно отказался, сославшись, что до дому мне совсем ничего, всего каких-то несчастные два квартала и желанием прогуляться по свежему воздуху. Мне действительно стало жарко, и я хотел немного пройтись остыть. Никто настаивать не стал, и мы, пожелав друг другу доброй ночи расстались на том.

Обратный путь, неспешным шагом по моим прикидкам занимал, где-то по времени около пятнадцати минут. Но я, повинувшись внезапно нахлынувшему желанию, решил сделать небольшой крюк растянув тем самым удовольствие от неспешной прогулки. Погода стояла чудесная сентябрь всегда нравился мне больше остальных месяцев являясь, как бы мягким продолжением лета, когда уже не жарко, но и прохладной ещё не веет. Переваривая события затянувшегося дня и вспоминая милый разговор в кафе с Зоей, которая сидела, напротив меня, я сам не заметил, как вышел на пустырь. Раньше на этом месте размещалась какое-то государственное учреждение. Несколько лет тому назад его решили снести и построить что-то взамен. Если с первым местная власть справилась на ура, то вот со вторым явно буксовала. Вот так, не запланированно, считай в центре города, образовалась стихийная свалка, куда люди, живущие неподалёку, сносили ненужный хлам, а местные бомжи облюбовали его себе под ночлежку.

В мои планы явно не входило задерживаться здесь, и я уж было собирался пройти мимо, когда мой взгляд привлёк по-

лыхающий оранжевым пламенем костёр. Казалось бы, ну что тут такого необычного? Ну решили местные обитатели погреться немного, приготовить там какую-нибудь свою нехитрую стряпню, обычное дело. Вот только никого возле костра не было. Создавалось впечатление, что его распалили и поспешили удалиться.

Оглядевшись воровато по сторонам, будто собираясь совершить, что-то преступное я осторожно двинулся вглубь пустыря. Прямо на пылающий оранжевым маячок, что так сильно манил и влёл к себе. Этот факт я с удивлением отметил, но движение не замедлил. Наверное, случись, удержишься мне тогда и пройди мимо, всё равно рано или поздно непременно столкнулся бы с «этим».

Очень скоро я уже стоял подле дышащего жаром костра, наблюдая заворуженно, как языки жадного пламени лизут потрескивающие дрова. Время утратило для меня своё значение, как и всё остальное, отодвинулось на задний план, точно незримая черта пролегла между мной находившимся в ореоле костра и остальным миром. Я знал, я чувствовал, как блики пламени играют на моём лице, как причудливые тени изворачиваются и корчатся на нём, словно живые мыслящие существа. Мне казалось или только чудилось, что пламя становится всё выше и выше, хотя в его ненасытную утробу никто более не подбрасывал дров. Да и какое это имело значения на тот момент? Меня мало занимали столь незначительные детали. Я жил другой жизнью, иными ощущениями,

вдыхал совершенно не похожий на привычный воздух.

Это потом я задавался не простым вопросом, что это было со мной? А тогда находясь в гипнотическом или около гипнотическом состоянии, я полностью утратил связь с действительностью захваченный новым небывалый чувством, охарактеризовать который сложно мне даже сейчас...

Как добрался домой, я уже не помнил, пребывая под сильнейшим впечатлением от недавнего пережитого. И только приняв контрастный душ и выпив целый стакан коньяка, закусив его только одной долькой лимона, сумел немного успокоиться и прийти в себя. Более того уснул мгновенно, как будто провалился в чёрную бездонную яму.

Что снилось мне я не помнил на утро. А начавшийся день приготовил для меня уж новый сюрприз в виде температуры 38.8. Озноба я не чувствовал, а вот сухой жар во всем теле ощущал явственно. Позвонив на работу и предупредив, что не выйду сегодня по причине плохого самочувствия, я отправился к семейному врачу. Отстояв очередь и попав на приём к нему, мне довелось выслушать целый ряд рекомендаций о том, чего нельзя, и что можно. Также я обзавёлся длинным списком лекарств, и к нему главным – больничный листом, позволявшим, мне целую неделю не отвлекаясь заниматься поправкой собственного здоровья. Я честно решил заняться им, зайдя в аптеку и купив там все, что выписал врач.

Вот только никакого видимого эффекта таблетки и кап-

ли не приносили. Температура держалась на прежней отметке, будто приклеенная не сдвигаясь с места. На свой страх и риск я залез в интернет и «прогуглил» более дорогие аналоги лекарств, что мне рекомендовалось принимать. Быстро отыскав, их я, не откладывая направился в ближайшую аптеку и приобрёл их там.

К моему глубокому разочарованию они тоже оказались бессильны чем-либо помочь. В голову лезли разные неприятные мысли, вплоть до того, что возможно у меня онкология. От природы я не был болезненным человеком, и моя медицинская карточка не пестрела записями докторов. А тут такое – температура упрямо держится несколько дней кряду на одной отметке и не желает уступать свои позиции ни на градус. Вспоминая, как переживал я тогда, на моём лице невольно проступает ироническая улыбка. В сравнении с моей теперешней 38.8 кажется такой пустяшной...

Ближе к концу недели меня постепенно начал отпускать жар. Нет, температура никуда не делась, я просто перестал её чувствовать, адаптировался, наверное. Тем не менее, мне показалось это добрым знаком. Поэтому махнув рукой, решив легкомысленно «что молодой организм осилит недуг», я закрыл больничный, заверив своего лечащего врача, что совершенно здоров и не нуждаюсь в его продлении.

Следующий месяц благоволил ко мне – я чувствовал себя вполне сносно. Единственное, что «напрягало», так это не прекращающиеся сны, связанные опять-таки с огненной

стихией. Несколько раз я вскакивал ночью с твёрдой убеждённостью, что в квартире пожар. На моё счастье сны оставались только снами, никак не влияя на действительность, и я обессилено опять валялся на кровать. Конечно, это изрядно «доставало», но я всё же не терял оптимизма, успокаивая сам себя, что со временем всё пройдёт...

15 октября. День Рождения Зои. Я и мои коллеги были в числе приглашённых, кого хотела видеть на своём празднике эта милая девушка. По такому поводу решили собраться на даче родителей именинницы. Погода ещё не испортилась и повеселиться на природе вполне позволяла. Прихватив с собой заранее купленный подарок, я надушенный и прилизанный отправился на автостанцию, где сел на загородной автобус. Сама поездка не заняла и получаса, дача родителей Зои располагалась в пригороде.

Ничто не предвещало неприятностей. Компания подобралась на первый взгляд вполне приличная: парни, девчонки – все положительные, настроенные крайне доброжелательно, что, впрочем, вполне было ожидаемо учитывая, какой сама являлась Зоя. Музыка, смех, брызги шампанского и всяческие закуски служили хорошим подспорьем для приятного общения. Естественно, не обошлось без шашлыков. Я напроць отказался приближаться к мангалу, помня, какую реакцию в последнее время у меня вызывает огонь. Но, как выяснилось не он один может влиять на моё состояние...

Праздничное настроение гостей и самой именинницы

омрачил, вдруг ни с того ни с сего, взявшийся её бывший молодой человек.

– Зойка поздравляю! Кинулся с букетом цветов он обнимать именинницу, чем вызвал у последней настоящий психоз.

– Не прикасайся ко мне! – попыталась освободиться она из плена рук своего бывшего бойфренда. – Андрей мы, по моему, обо всем договорились. Зачем ты вообще явился сюда?

– Я тебя люблю, зайка моя! – горячо воскликнул в ответ тот и ещё крепче попытался прижать к себе Зою, причиняя уже ей явную боль.

– А я тебя нет! Отпусти меня немедленно! Забилась, как птичка в силках несчастная девушка, силясь вырваться на волю.

Я больше не смог выносить этой картины, и подскочив на ноги со своего места, бросился вызволять её. Этот Андрей оказался далеко не слабаком. По крайней мере, мне потребовалось приложить, ни мало усилий, чтобы оторвать его руки от хрупких печей девушки. Остальные почему-то не спешили с помощью.

– Чё тебе надо чувак? Взъерошился бывший ухажёр Зои разбросав вокруг себя цветы.

– Чтобы ты отсюда поскорее свинтил. – Как можно спокойнее ответил я, хотя чувствовал уже, как внутри меня разгорается пламя ненависти к человеку посмевавшему испортить

праздник.

– Ты, кто такой будешь, чтобы мне указывать? – обозлённо воскликнул Андрей и со злобой посмотрел на меня.

– Я коллега и друг Зои.

– Друг?! Так, вот на кого ты меня променяла!? – обращаюсь уже к Зои, взбеленился он.

– Ни на кого я тебя не меняла... попыталась возразить девушка, но была грубо прервана.

– На жалкого офисного ботана?

Это оскорбление послужило для меня настоящим катализатором. По природе своей я совсем не агрессивный человек: спокойный, уравновешенный, а тут на меня неожиданно накатило. Я подскочил к нему, как ужаленный и вlepил ему смачную затрещину. От неожиданности Андрей пошатнулся едва не упав. И тут же сам пошёл в атаку. Мы сцепились, точно два самца не поделившие самку и очень скоро уже катались по траве выясняя отношения между собой.

Друзья Зои наконец сбросив нахлынувшее оцепенение растащили упирающихся нас по разным сторонам. Конфликт быстренько замяли. Возмутителя спокойствия выпроводили прочь, мне налили полную рюмку виски, и все попытались сделать вид, что ничего не произошло. Вот только праздник всё равно был безнадёжно уже испорчен. И достаточно скоро гости начались расходиться по домам, ссылаясь на различные причины. Я тоже последовал их примеру, перед уходом попросив прощения у именинницы за сорванное

мероприятие и получив в ответ, заверения, что моей вины в том нет, отправился восвояси.

39.9 упрямо показывал одну и ту же самую отметку градусник, несмотря на то, что я несколько раз перемерял температуру. Даже если допускать, что он поломан, повышенную температуру я ощущал довольно явственно. Тело горело, сердце казалось гоняет по жилам не кровь, а жидкий огонь. Порывшись в аптечке, я принял жаропонижающие и напился горячего, травяного чая, купленного ещё летом, при первой моей простуде. Кстати вспомнил я: первый раз у меня случилась 37.7, затем пару месяцев спустя 38.8, теперь же 39.9. Меня несколько насторожила такая нездоровая тенденция. Во-первых, температура с каждым разом увеличивалась. Во-вторых, странное сочетание цифр – предпоследняя соответствовала последней.

Днюха у Зои случилась в пятницу, следующий день стало быть являлся выходным. К врачу я не имел возможности обратиться, а вот аптеку мне никто не мог помешать посетить. Так я и сделал – купив там целый ворох лекарств и заодно пару ртутных градусников. У меня впереди лежали два законных выходных, и я собирался их использовать по максимуму для восстановления здоровья.

Первым делом я вновь замерял температуру. Результат оказался неизменным – те же 39.9. Хотя пропало ощущение, что тебя медленно поджаривают изнутри и голова больше не гудела, будто улей начинённый пчёлами. Мне припомнились

прежние скачки температуры тела. Тогда вначале тоже ощущался сильный жар, но на следующий день уже намечалось улучшение общего состояния. «Кстати, а температура спадала тогда на самом деле или это всего лишь было обманчивым впечатлением?» – задался невольно я вопросом. Ведь успокоенный эти мнимым выздоровлением я не принимал более никаких мер, не удосуживаясь даже просто перемерить обратно температуру тела.

От всех этих мыслей у меня побежал неприятный холодок по спине и возможно, как следствие нарушился сон. Мне опять начали сниться эти «огненные сны», как я их окрестил. Списывать их на последствие пожара, когда минуло уже почти, как пять месяцев было уже сложно. Впервые я серьёзно задумался, над всем происходящим со мной.

Придя в понедельник утром на работу, я продолжал размышлять над этим вопросом, из-за чего был несколько рассеянным. Коллеги поспешили списать мою несобранность на последствия неприятного инцидента случившегося на именинах у Зои. Кстати она сегодня не вышла на работу. Я тоже решил не слишком изнурать себя трудом, пусть и только номинальным и отпросился пораньше уйти домой.

Теперь я дважды в день производил контрольные замеры температуры, отмечая все те же стабильные 39.9 градусов. Лекарствами, что я себя в первое время, не прекращая почивал, вообще не давали никакого эффекта и после первой недели приёма я от них полностью отказался. Состояние моё

тем не менее вскоре, нормализовалась полностью и я совершенно не чувствовал у себя столь высокой температуры. К врачам, на нынешнем этапе, я решил пока не обращаться. Дело в том, что я задумал провести эксперимент один. Суть его состояло в том, чтобы проверить, как связана температура тела моего с различными факторами среды и ситуациями.

Начать я решил с огненной стихии, считая, что именно с неё всё и закрутилось. Для этого я дождался завершения рабочей недели и в пятницу вечером отправился в Приморский парк, что пребывал в крайне запущенном состоянии не один, поди, год. На календаре числился месяц ноябрь, темно рано, вдобавок сыро и зябко. Люди, как правило, в такое время года спешат побыстрее укрыться по домам и без уважительной причины не высовываются на улицу.

Разложив заранее подготовленные дрова с ветками и облив их горючей смесью, я распалил костёр. Пламя с рёвом взвилось в верх, так, что я отпрянул испуганно назад.

«Пожалуй, не стоило так много лить той жидкостью, что продали мне в строительном супермаркете», отметил я не решаясь приближаться к костру близко. Но очень скоро он начал затухать, и я вынужден был подбросить в него новые дровишки, чтобы продлить его жизнь. Вскоре в ход пошли ветки и всё прочее, что было под рукой.

Я пристально и напряжённо всматривался в его средоточие, пытаясь почувствовать хоть что-нибудь похожее на то, что я ощущал стоя перед костром тогда на пустыре. Но ни

единого отклика, ни одного отголоска, как назло, не мог уловить. Огонь обычный огонь пожирающий древесину, привычный жар, исходивший от пламени, дымок ему сопутствующий вот и весь результат. Температура ни на одно деление, прихваченного со мной градусника, не увеличилась. Как впрочем, и не уменьшилось, пребывая уже на привычной отметке 39.9.

Приходилось констатировать, что эксперимент провалился. Возможно, где-то в глубине души я даже рад был этому обстоятельству. Ведь по сути, постигшая меня неудача свидетельствовала о моей нормальности. Я не являлся каким-то мутантом, не страдал непонятной аномалий. Скорее моя проблема лежала в психологической сфере. А температура повышенная, ну и что с того спрашивается? В мире полно людей у которых она в разное время года скачет от 34 градусов до 40 и ничего живут себе спокойненько. С этими мыслями я и отправился обратно домой.

Я вновь забросил градусник подальше и зажил своей привычной жизнью. Сны конечно продолжали меня беспокоить, но и на них я старался не обращать внимания, выкидывая их сразу из головы, когда просыпался. Как и прежде работал на том же самом месте. Правда уже без Зои – она вскоре после того случая на днюхе уволилась и по слухам опять сошлась с Андреем. Что ж бывают в жизни и такие кульбиты.

На вечеринку устраиваемую в честь Нового Года я не хотел идти, будто предчувствуя, что ничем хорошим для меня

это мероприятие не закончится. Но руководство желало видеть всех своих сотрудников, считая, что подобные встречи сплачивают коллектив, делая его единой дружной командой. Пришлось пойти.

Я старался держаться в стороне поминая, что в последнее время мне «везёт» попадать в различные экстремальные ситуации. Поэтому забившись в дальний угол, я с бокалом в руке наблюдал, как мои коллеги и молодёжь с соседних отделов веселиться, зажигая на танцполе.

Ближе к завершению вечера неожиданно погас свет. И надо ж было такому оказаться, что в том месте, где я уединился находился щиток с автоматами. Сама судьба или провидение распорядилась так, что мне выпала участь быть тем, кто ползет в него.

«Ну, что тут такого опасного? Переместить всего-навсего переключатель с "Выкл" на "Вкл» – занимался самовнушением я, нащупывая в темноте щиток.

На деле оказалось не так всё однозначно и просто. Меня потрянуло, так, что из глаз посыпались искры. Разряд в 220 Вт. неприятная всё-таки штука как не крути. Небрежность электрика, что не заизолировал, как следуют проводки в коробке, стоила мне поднятием температуры до 41 и 1 градуса.

Я впритык приблизился к опасному рубежу. Известно, что после 42 градусов у человека начинается необратимое разложение белков, то бишь верная смерть. Понимаю ли я это? Осознаю ли всю опасность своего положения? Рациональная

часть моего «Я» отчаянно вопит и требует немедленно обратиться за помощью к специалистам. Но я всё медлю, откладывая поход в больницу всякий новый день на следующий раз. И так продолжается изо дня в день. Сейчас февраль – самый злой месяц ветреный и холодный. Для всех должно быть – кроме меня. Я совершенно не ощущаю на себе его зимней стужи. Могу свободно ходить по улице в летней футболке и не мёрзнуть. Конечно я этого не делаю, не желая привлечь к себе излишнее внимание, рискуя тем самым очутиться в глухих стенах психиатрической лечебницы. Самочувствие моё превосходное, я не чувствую себя больным и не замечаю за собой какого-либо другого недомогания. Сны да, они никуда не делись, наоборот приобрели более яркий характер. И ещё, я перестал их рассматривать, как кошмар. «Огненные сновидения» постепенно перешли в разряд обыденного, став неизменными спутниками в царстве Морфея.

Подспудно я, конечно, думаю, размышляю о них. Очень часто ловля себя на мысли «А что будет дальше? За чертой отметки 42 градуса? Возможно, это будет конец или наоборот отправная точка для чего-то нового?».

Ни с кем я не решаюсь поделиться своими тревогами и переживаниями, превращаясь всё более в затворника. Круг моих интересов надо заметить – ощутимо сузился. Пропал интерес к еде, теперь я обхожусь минимум продуктов. Что осталось неизменным, так это влечение к противоположному полу, оно, к слову сказать, стало ещё сильнее, чем прежде,

до моей аномалии. Вот только секса у меня не было почти с самого начала лета. Что-то меня постоянно удерживает от близкого общения с девушками. Возможно, это связано опять-таки с температурой, с вопросами, что неизменно станут задавать мне, ведь я же буквально горю, хотя и не ощущаю этого, разве что в первые дни, когда только происходит очередной температурный скачок.

Всё это я читаю в своём дневнике. За не именем близких людей кому бы я мог довериться – я доверяю свои мысли бумаге. Вернее сказать, в прошлом доверял, ибо читаю я его в последний раз, перед тем как предать огню...

Этот «Перелом», как я окрестил его произошёл в последний день месяца двадцать девятого числа месяца февраля. Ничего не предвещала кризиса. Я, привычно уже в 22:00 лёг спать и заснул крепким сном. Мне даже вначале снилось, что-то приятное, а потом не помню – я резко открыл глаза и обмер. Я лежал на земле в одних трусах, в смутно знакомом мне месте.

«Это всё происходит во сне» – была первая мысль, которая сразу потерялась, стоило мне перевести взгляд вперёд. Там в центре пустыря сияло и извивалось оранжевое пламя, словно маяк, указывающий правильное направление. Я внезапно с отчётливо ясностью осознал, кому он светит «Мне, мне одному и сомнений никаких тут быть не может!». Я вернулся вновь на пустырь.

Словно между сном и явью я пополз навстречу огню. К

слову сказать, меня в этот момент даже не посетила мысль простая – почему я по-пластунски передвигаюсь, когда могу свободно встать на ноги и спокойно подойти к нему? Повторюсь, всё происходило как бы, не совсем со мной, я был в этой пьесе скорее сторонним наблюдателем, нежели полноценным участником её. Утратив полностью над собой контроль желая только одного – скорее приблизиться к «Нему».

К чему конкретно я затруднялся дать хоть сколь внятное объяснение. Лишь ощущая в себе острую неоуюходимость быть там... Не слыша, как завывает морозный ветер в ушах, не чувствуя ледяной поверхности земли под собой, не видя разбегавшихся в панике бомжей, точно узрев ожившего мертвеца. Ничего важнее для меня в тот момент не существовало на свете, кроме этого пламенеющего языка, его жара, его силы, его сути.

Я продолжал грезить наяву. И когда преодолев последние метры, разделявшие меня с ним не задумываясь, что делаю и о последствиях засунул руку прямо в середину костра. В горячее бьющаяся огнём сердце, ощутив разом всю ярость и мощь, заключённую в нём.

Как добрался я обратно домой не помнил. Пробуждение было тяжёлым, как никогда прежде до этого. Я еле сумел подняться на ноги, силы казалось, кто-то насосом высосал из меня все. Меня кидало из стороны в сторону, будто я изрядно накануне набралось, когда я тащился до туалета. Моча обожгла мою плоть, что я невольно застонал. Такой горя-

чей, наверное, мог быть только кипяток один. Но ещё больше болела моя правая ладонь. Поднеся её близко к лицу, я замер, не веря собственным глазам: на ней отчётливо виднелся след от ожога. На всей поверхности от запястья до кончиков пальцев пролегалo большущие алое пятно. В глазах у меня потемнело – я сразу вспомнил всё...

Шкала на моём ртутном градуснике обрывается на цифре 42. Но и без него я прекрасно знал свою температуру. К этой отметки стоило приписать двоечку и вот он очередной «скачок». Жар, не стихая терзал меня всю неделю. Принятая ванная со льдом, тоже оказалась бессильна помочь чем-либо. Моё пылающее тело растопило его за неполные четверть часа. На работу я больше не вышел, как и к врачам тоже не стал обращаться. И вообще, мне было глубоко наплевать на весь белый свет. Я чувствовал, что изменился, что отныне всё будет не так, как было прежде. Понимание это пришло спустя семь дней, которые я провёл, как в горячке. А на восьмой я открыл глаза на рассвете и с отчётливой ясностью понял это.

Сидя на продавленном кресле перед раскрытым настежь окном я слушаю мартовскую капель, переворачивая последнюю страницу своего дневника. Лёгкая усмешка блуждает на моих губах при воспоминаниях о моей прежней жизни. Я прощаюсь с ней молча и без сожаления, так как прощаются с детством повзрослевшие в раз дети. Старинные часы ушедшей в вечность родственницы бывшего приятеля отбивают полночь. Самое время.

Я медленно опускаю занимающийся синим пламенем дневник на ворсистый ковёр. Неспешно поднимаюсь на ноги и, не оборачиваясь, иду на выход. По пути мимоходом замечая в большом, овальной зеркале, как два пылающих огонька в районе глаз пристально смотрят на меня. Дверь сиротливо застывает, провожая постояльца в ночь...